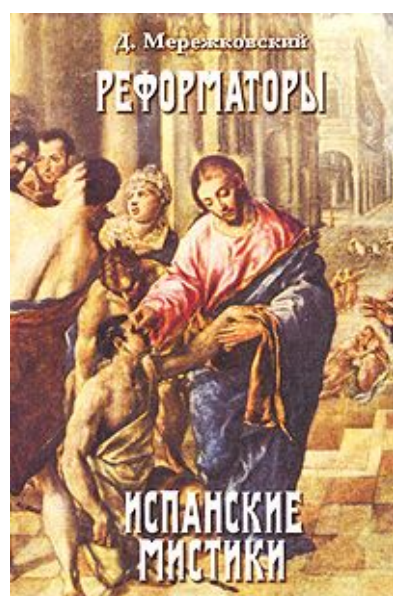

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Паскаль
Серия «Реформаторы», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175077*

Аннотация

Книга выдающегося мыслителя, писателя, поэта Серебряного века Дмитрия Сергеевича Мережковского «Реформаторы» впервые вышла в Брюсселе в 1990 г. Эта книга – не только блестящий образец романа-биографии, написанного на богатом материале эпохи Реформации, но и глубокие размышления писателя о вере, свободе личности, духовном поиске, добавляющие новые грани к религиозно-философской концепции автора.

Содержание

I. Паскаль и мы. Паскаль и реформа	4
1	4
2	5
3	6
4	8
5	9
6	11
7	12
8	15
II. Жизнь Паскаля	16
1	16
2	17
3	19
4	22
5	24
6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Сергеевич Мережковский Паскаль

I. Паскаль и мы. Паскаль и реформа

1

«Если вам кажется верным и сильным то, что я вам говорю, то знайте, что это говорит человек, который, став на колени, молился и будет молиться за Безграничное Существо, Которому он отдаст все, что сам имеет, а также все, что и вы имеете, для вашей же собственной пользы и для Его Славы»,¹ – говорит Паскаль читателям своим, и, чтобы понять его как следует, это надо помнить: слово его – молитва за тех, кто читает его, кем бы они ни были – умными или безбожниками;² за тех, которые не только читают его глазами, но и принимают его сердцем; за тех особенно, которые следуют за его словами: «Посмотрите, как они стонут»³

Люди наших дней начали понимать, чем для них может сделаться Паскаль, только во время Великой Войны. «Там, в огне и крови окопов, „Мысли“ Паскаля были как бы нашим предсмертным Причастием», – вспоминает один из его читателей, и другой: «Некогда мы видели вблизи жизнь, вдалеке – смерть, и еще дальше – вечность... Мы теперь на той же высоте, на какой был и ты, наш великий друг, Паскаль». «Ты нас опередил и встретил нас именно там, где ты был нам нужнее всего».⁴ Кажется, вернее было бы сказать: мы не «на той же высоте», как Паскаль, а над той же бездною.

Быть или не быть христианству? – на этот вопрос никто, за триста лет от дней Паскаля до наших, не ответил так, как он отвечает: «Быть». К будущей вселенской Церкви – необходимому условию для того, чтобы христианство было, никто не приблизил нас так, как приближает он. Если люди наших дней, на пороге второй Великой Войны, все еще не могут понять так хорошо сказанных слов Паскаля, то они, может быть, их никогда и не поймут: быть или не быть христианству? – значит быть или не быть человечеству, заслуживающему это имя.

Чтобы понять как следует, чем мог бы сделаться Паскаль для нашего времени, надо знать, чем он был для своего. В XVII веке во Франции борются, как два течения в водовороте, две религиозные силы – внешняя, от Лютера и Кальвина, против католической Церкви идущая Реформа, и внутренняя, в самой Церкви происходящая Антиреформа.⁵

¹ Pascal, *Pensées*, éd. Brunschwig, 233, «Fin de ce discours».

² G. Michaut, *Les époques de la pensée de Pascal*, 1902, 219.

³ *Pens.*, 421.

⁴ J. Chevalier, *Pascal*, 1922, 9–10.

⁵ Sainte-Beuve, *Port-Royal*, I, 279–281. Jansénius, Duvergier, 3–4.

2

Янсений и Сен-Сиран

В 1611 году, в Париже, в Латинском квартале, встретились и больше чем подружались, – сроднились, как роднятся люди в одной великой цели, два молодых богослова – фламандец Корнелий Янсений (Cornelius Jansenius) и француз Жан дю Вержье (Jean Duvergier). Падшее христианство восстановить – такова была их цель, а средства те же, что у Лютера и Кальвина, – вернуться к христианству первых веков, но не уходя из католической Церкви, как те, а, оставаясь в ней, совершить дело Реформы. Ближе все-таки были они к Лютеру и Кальвину, чем этого хотели, потому что путь к первым векам христианства был и у них тот же, как у тех, – св. Августин.

«Я никому в мире не смею сказать того, что думаю... согласно с учением св. Августина, о великом разделении взглядов нашего времени... о Благодати и Предопределении, потому что боюсь, как бы и со мною не сделали в Риме того же, что с другими (т. е. отлучили от Церкви)... Но совесть не позволяет мне предать истину», – пишет Янсений в 1621 году другу своему, дю Вержье, и начинает письмо важным признанием: «Мне опротивел св. Фома Аквинский, после того как я напился св. Августином».⁶ Основа и утверждение всей католической Церкви – св. Фома Аквинский; этого Янсений не может не знать, но вот все-таки хочет заменить его тем, что в мистерии двух великих ересиархов, Лютера и Кальвина, против Церкви было сокрушившим стены ее тараном – св. Августином, понятым так же точно, как его понимают и те два ересиарха. Прав был отчасти король Людовик XIV, когда, почти отличая Янсения от Лютера и Кальвина, хотел искоренить обе «ереси» как два опаснейших восстания на государство и Церковь.⁷

⁶ H. Bremond, *Histoire Litteraire du sentiment religieux en France*, IV. Sainte-Beuve, 291–294.

⁷ Sainte-Beuve, IV, 113–114.

3

«Августин» Янсения. Древнее и новое пелагианство. *Ne evacuata sit crux*

Тридцать лет трудился Янсений над огромной книгой о св. Августине, «Учение св. Августина о здравии, болезни и лечении природы человеческой, против Пелагия».⁸ Десять раз перечитал все творения, и книги против Пелагия – тридцать раз. «Счастлив был бы я, – говорил он, – провести всю мою жизнь на пустынном острове наедине со св. Августином».⁹ Только накануне смерти в 1636 году, в сане епископа Ипрского (evêque d'Ypres), кончил книгу, но не успел увидеть ее напечатанной.

Главная цель книги – обличение Пелагиевой ереси. Чтобы понять религиозное действие Янсения в XVII веке, надо вспомнить, чем была ересь Пелагия за двенадцать веков христианства, от V века до века XVII, и в скрытом виде, под многими личинами, – до наших дней.

Человек у Бога – «не раб, а свободный», учит Пелагий. «Богом самим освобожден человек, получив дар свободной воли». Вместо «первородного греха» – «первородная невинность». «Люди все рождаются такими же невинными, как первый человек в раю». «Что же такое первородный грех», наследие Адама? Только «Измышление двух еретиков, Августина и Манеса», учивших, что мир создан не Богом, а «Противобогом» – дьяволом.

«Всякий грех частен и личен; он относится лишь к человеку, а не к человечеству», – учит Пелагий. Всякий человек может сделаться «безгрешным святым», сам, один, одною «свободою воли». Что же такое Благодать? Только «познание Христа» и «подражание Христу» в нравственной жизни, в добрых делах».¹⁰ «Все учение Христа есть учение нравственное прежде всего», мог бы сказать Пелагий вместе с Кантом.¹¹ В последнем анализе это означает: Христос жил для всех нас; Он умер; Он воскрес (если, конечно, это произошло) ни для кого, *ни для чего*; людям не нужен Сын Божеский, распятый на Кресте. Им нужен Человек-Христос до и без Креста. Пелагий не доходит до этого последнего заключения; и Кант тоже нет; во всяком случае, он не формулирует его так. Тем не менее, кажется, что устарелое христианство наших дней, от которого отняли кровь Иисуса, которое насквозь рационализировало, стерилизовало страсть Креста, представляет собою не что иное, как Пелагианство, дошедшее до своего последнего заключения.

Если человек изначально свободен, то ему не нужен Освободитель Сын Божий; если человек может сам спастись, то ему не нужен Спаситель. Убыль первородного греха есть убыль Искупления – то, чего так боялся ап. Павел: «Да не упразднится Крест, *ne evacuata sit crux*».

Если бы врачу сказали, что черное чумное пятно – только синяк от ушиба – завтра заживет, – то врач почувствовал бы то же, что Августин, когда ему сказал Пелагий, что первородный грех – ничто. Это же чувствует Янсений так же, как друг его, некогда Жан дю Вержье, а теперь аббат Сен-Сиран (под этим именем он принял священство). Замечательно то, что за год до смерти Янсения и за четыре года до появления «Августина» (1640) вышла

⁸ Chevalier, 39.

⁹ Sainte-Beuve, I, 80.

¹⁰ Chevalier, 39. Sainte-Beuve, I, 287–294. G. Michaut, 229.

¹¹ S. August, *Opus imperfectum contra Julianum*, I, 78–79. J. Tixeront, *Histoire du dogme*, 1931, II, 428. Labriole, *Hist. De la littérat. lat. chrét.*, 1920, 544. Coelest, *De gestis Pelag.*, 23. Pelag., *Expositiones*, ap. S. Hieronym, *Epist.*, 133, I:186, XXXVII.

в свет та книга Декарта, «Речь о методе» («Discours de la Méthode»), которая начинает путь всей новой философии к «упразднению Креста».¹²

Чувствуют оба, Сен-Сиран и Янсений, что дух Пелагия разлит, как чумная зараза, в воздухе, которым дышат люди не только в миру, но и в Церкви. Чтобы вернуть в нее человеческие множества, уходящие за Лютером и Кальвином, Орден Иезуитов облегчает и опустошает христианство от его драгоценной тяжести-трудности: «Много званых, мало избранных»; узкий и кремнистый путь Царства Божия делается «широким и бархатным».¹³ Сен-Сиран и Янсений, оба видят, что путь, по которому следует Церковь, как и мирской путь, в одинаковой степени ведут к «упразднению Креста».

Правоверные католики не только XVII, но и XX века, обвиняют Сен-Сирана и Янсения в «заговоре» против Римской Церкви; хуже Лютера и Кальвина эти два согретые на груди Церкви змия; Кальвин и Лютер нападают на Церковь извне, а Сен-Сиран и Янсений хотели взорвать ее изнутри, как бы адскую машину подложили под Святейший Престол.¹⁴ Как бы ни были эти обвинения ложны или преувеличенны, кажется, в них есть и доля правды, потому что положение этих двух внутренних преобразователей между двумя огнями—двумя Церквями, протестантской и католической, – в самом деле, противоречиво и двусмысленно. Верно сказал кто-то об одном из учеников Янсения (Antoine Arnauld le Jeune): «Кулаками защищался он от Кальвина»; то же можно бы сказать и о самом Янсении.¹⁵ Если ночью, один в келье своей, Сен-Сиран хотел читать книги Кальвина, то сначала изгонял из них Нечистую Силу заклинаниями, так же как это делают с бесноватым, – вспоминает очевидец.¹⁶ Но ни кулаками, ни заклинаниями не защитить внутренней Реформы от внешней, потому что главный религиозный опыт обеих – тайна Предопределения: «Много званых, мало избранных» – один и тот же. Верно кто-то сказал и о самом Янсении: «Он читал св. Августина сквозь очки Кальвина».¹⁷ Можно бы сказать то же и о Сен-Сиране. «Кальвин думал хорошо, только говорил плохо», – заметил однажды он сам в откровенной беседе с другом своим, св. Венсеном де Поль.¹⁸

Как соединить две Церкви, протестантскую и католическую, в единой Церкви, Вселенской или, говоря языком Паскаля, как «согласовать две противоположные истины», – этот вопрос, может быть, сами того не сознавая и не желая, Сен-Сиран и Янсений только поставили, но на него не ответили. Ответил Паскаль.¹⁹

¹² Sainte-Beuve, I, 119.

¹³ Sainte-Beuve, I, 175. La Fontaine, Poèmes et poésies diverses, éd. Garnier, 292.

¹⁴ Bremond, 110–111.

¹⁵ Sainte-Beuve, II, 215.

¹⁶ Bremond, 155.

¹⁷ Sainte-Beuve, I, 163.

¹⁸ Sainte-Beuve, I, 134.

¹⁹ Pensées, 684. «Accorder les contraires».

4

Начало Пор-Руаяля

В очень глубокой, болотистой долине речки Шеврезы, хотя и вблизи от Парижа и Версаля, но в месте глухом, диком и мрачном, находилась древняя, основанная бенедиктинским орденом в начале XIII века маленькая женская обитель, Пор-Руаяль. К первым годам XVII века пришла она в такой упадок, что в ней оставалось только двенадцать монахинь под началом шестнадцатилетней игуменьи, Анжелики Арно (Arnauld). Сестры были большею частью молодыми девушками из богатых и знатных семейств, близких ко двору, потому что в тогдашнем светском обществе монастырская жизнь входила в моду. Место было печальное, но сестры жили весело. С часто приезжавшими к ним из Парижа и Версаля молодыми людьми гуляли в рощах, пели, играли на лютнях, плясали и, вместо молитв, читали любовные повести.²⁰ Были, как те неразумные девы, что вышли ночью навстречу жениху, не налив в светильники масла.

Вдруг все изменилось. В 1608 году странствующий капуцин, брат Базижель, забрел однажды в обитель и проповедовал. Это был недостойный монах, выгнанный из монастыря за дурную жизнь, но человек не дурной, а только очень слабый: все грешил и каялся, и снова грешил, но, как бы низко ни падал, не терял надежды, что Бог подымет его когда-нибудь уже не на время, а навсегда. Каждый раз, когда после покаяний проповедовал, он делал это так хорошо, что слушатели его, хотя и знали, какой он грешный человек, умилялись и каялись вместе с ним, и чудо Благодати совершалось над ними тем очевиднее, чем орудие было недостойнее.

То же случилось и в Пор-Руаяльской обители. Слушая, как брат Базижель проповедовал, сестры каялись и плакали, потому что слышали полуночный зов: «Вот Жених идет, выходите навстречу Ему!» – и видели, что светильники их гаснут.

Плакали все, кроме Анжелики: широко раскрытыми глазами она смотрела на проповедника так, как будто видела за ним Кого-то другого, ужасного или желанного. «Это был мой первый взгляд на Бога, и Его – на меня», – вспоминает потом.²¹

С этого дня все монастырские правила св. Бенедикта – посты, молитвы, бдения, умерщвления плоти, общность имущества – были восстановлены с точностью. Правила начала соблюдать одна игуменья, не принуждая к сему сестер, но пример ее был так заразителен, что все они присоединились к ней, потому что святым огнем Благодати душа от души зажигается, как свеча от свечи.²²

²⁰ E. Boutroux, Pascal, 1900, 85. Chevalier, 37. R. Fulop-Miller, Les Jésuites, trad. française, 1933, 127–133. Sainte-Beuve, I, 94–97.

²¹ Mémoires pour servir à l'histoire de Port-Royal, Utrecht, 1742, I, 25.

²² Sainte-Beuve, I, 101–106.

5

Скоро дошли до Парижа слухи о том, что произошло в Пор-Руаяле, и когда отец Анжелики, королевский адвокат в Парламенте, Антуан Арно Старший узнал, что в обитель не допускается никто даже из самых близких родных, то обеспокоился, потому что нежно любил дочь свою, и одна мысль о том, что она не захочет видеть его, была ему так нестерпима, что он решил тотчас ехать в Пор-Руаяль, чтобы убедиться, что слухи, до него дошедшие, – ложны.

Наглухо запертые ворота в монастырский отель увидел Арно, когда вышел из кареты, в которой приехал с женой, сыном и двумя дочерьми. Не было кругом ни души, так что некому было велеть, чтобы отперли. Долго стучали в двери, но не было ответа. Наконец, чуть-чуть приоткрылось маленькое слуховое оконце в воротах и мелькнули в нем два глаза, такие чужие, далекие, что отец сначала не узнал, что это глаза дочери, а когда узнал, то сердце у него болезненно сжалось. Голос услышал еще более далекий, хотя и говоривший ему на ухо. Долго не мог понять, что она говорит; наконец понял, что просит его войти в соседнее с воротами, но вне монастырских стен, маленькое здание, где находится комната для приема гостей. И когда он это понял, то вся кровь прилила ему в голову, и лицо у него побагровело так, что сын испугался, как бы с ним не случился удар. Кинулся сын к оконцу, но оно уже захлопнулось. Снова начал изо всей силы стучать кулаками, ногами; но ворота были крепкие, железные; замки и засовы на них были огромные, точно крепостные или тюремные. Руки, ноги отбил так, что уже не мог стучать; только в бессильной ярости кричал и бранился площадною бранью. «Отцеубийца!» – крикнул сын не своим голосом, и что-то послышалось ему в этом слове такое страшное, что вдруг замолчал, оглянулся и увидел, что отец входит в то маленькое здание, где находилась приемная.

Когда Арно вошел в комнату, то увидел лицо дочери за решеткой, разделявшей комнату на две половины: одна – для тех, кто в миру погибает, а другая – для тех, кто у Бога спасается. Двигая ногами с трудом, как это бывает во сне, когда кажется, что на ногах стопудовые гири, подошел к решетке и приложил к ней лицо. Что-то говорил дочери, и она ему, но что именно, не могли вспомнить потом или не хотели от муки. Это были те слова, что проходят по сердцу, как острые ножи по телу, и режут сердце сильнее, чем ножи. «Лучше бы она умерла», – подумал он, закрыл лицо руками и горячо заплакал, как маленький обиженный ребенок.

«Батюшка», – тихо вскрикнула она, протянула руки к нему и упала без чувств.

Старшая сестра Морель – та самая, что не хотела отдать ключа от собственного, любимого садика; «собственным» все называли его, и очень сердилась после того, как объявлена была, по уставу св. Бенедикта, общность имения, – говорила матери-игуменье, когда сестры привели ее в чувство: «Что ты сделала, мать, что ты сделала! Разве можно так поступать с отцом? Беги же, беги к нему скорее, пока он еще не уехал».²³

«Я сделала то, что Он велел», – ответила она, и поняла все, что «Он» – Христос, и вспомнили:

Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лука, 14:26).

«Слушайте все! Был отцом моим донине Пьетро Бернардоне; но вот, я отдал ему все, что от него получил, и теперь уже не могу сказать свободно: не отец мой Пьетро Бернардоне, а Господь Небесный мой Отец!» – на этих словах св. Франциска Ассизского основано было

²³ Sainte-Beuve, I, 28–33.

одно из величайших дел человеческих – Братство Нищих.²⁴ И на словах Анжелики Арно: «Я сделала то, что Он велел», основано было бы дело не меньшее, если бы люди не поторопились его разрушить.

²⁴ Tres Socii, XX. S. Bonaventura, XVII. Celano, Vita S. Francisci, Paris, I, 6.

6

Лет через пятнадцать после возрождения, основанная в 1608 году сестрой Анжеликой община Пор-Руаяльского монастыря выросла так, что места для нее уже не хватило в старых зданиях Шеврезской долины, в «Пор-Руаяле-на-Полях», как называли первую обитель, и в 1625 году основана была вторая – «Пор-Руаяль-в-Париже».²⁵ Слава обеих прошла по всей стране. Всемогуший кардинал – Ришелье – понял, что надо считаться с ними, как с новою силою, в делах правления. Просвещеннейшие люди Франции – богословы, законоведы, философы, ученые, писатели, вельможи – делались друзьями Пор-Руаяля. Некоторые из них поселялись в Шеврезской долине, строили у стен тамошней обители дома и жили в них, как отшельники. Осушали болота, проводили каналы, возделывали поля и виноградники. Многие работали своими руками – пахали, сеяли, жали, косили и занимались ремеслами. Те, кто впервые посещал Пор-Руаяль, изумлялись невиданному зрелищу: знатные и богатые люди в одежде крестьян и рабочих, с топорами и пилами, с лопатами и косами. Герцог де Лианкур (Liancourt), тоже один из «отшельников», встречаясь где-нибудь в лесу или в поле с крестьянином, первый снимал шляпу и с самой изысканной вежливостью кланялся ему и спрашивал спутника: «Кто это? Не один ли из здешних господ?»²⁶

Главным очарованием этой новой Фивиады было для людей, утомленных городской искусственной жизнью, это возвращение к природе, о котором мечтал Монтень и будет мечтать Руссо.

Днем «отшельники» работали, а вечером вели беседы о глубоких тайнах веры или о новых открытиях в любимых ими науках – математике, физике, механике – о «вихрях» Декарта или «монадах» Лейбница.²⁷

Если для одних это было только мимолетной забавой и прихотью, то для других – началом новой жизни – того, что навсегда решало их судьбу. Это поняли два великих святых, Франциск де Саль (François de Sales) и Винсент де Поль (Vincent de Paul), друзья Анжелики Арно, и благословили Пор-Руаяль.²⁸

Было здесь и еще одно очарование – святая тишина пустыни и такая в ней тихая радость, какой нельзя было найти больше нигде. «Мы всегда радовались, – вспоминает один из отшельников. – Наши сердца полны были такой радостью, что и лица наши ею светились. Я никогда не присутствовал на таком празднике».²⁹

²⁵ Michaut, 169.

²⁶ Sainte-Beuve, I, 270. Fontaine, Mémoires, II, 462.

²⁷ Boutroux, 87–88.

²⁸ Bremond, 187, 248, 78–79.

²⁹ см. сноску выше.

7

После Анжелики Арно сделал больше всех для Пор-Руаяля аббат де Сен-Сиран. Он понял, какую силою могла бы сделаться эта обитель в борьбе с торжествующим в миру и в Церкви духом Пелагия – опустошением христианства, «упразднением Креста».

Что такое Сен-Сиран как религиозная личность, трудно понять до конца, потому что свидетельства о нем, даже иногда от одного и того же лица идущие, слишком противоречивы. В 1639 году св. Винсент де Поль, после пятнадцатилетней дружбы с Сен-Сираном, говорит о нем почти как о святом человеке и вернейшем сыне католической Церкви, а через десять лет – как о злейшем еретике, замышляющем «совершить переворот в Церкви, чтобы подчинить ее себе».³⁰ «Это прекрасный человек, – говорит о нем Ришелье, только что посадив его в тюрьму Венсенского замка, – а все-таки Церковь и государство должны мне быть благодарны за то, что я сделал... потому что аббат Сен-Сиран проповедует опасное учение, которое может произвести смуту и разделение в Церкви, а я всегда был убежден, что все порождающие смуту в Церкви порождают ее и в государстве, и, следовательно, я оказал им обоим важную услугу, предупредив такую смуту».³¹ «Нет больше Церкви вот уже пять или шесть веков, а то, что нам теперь кажется Церковью, лишь куча грязи, только грязная лужа (bourbe)», – сказал однажды Сен-Сиран другу своему, св. Винсенту де Поль.³² Если это сказал не на ветер, что слишком не похоже на Сен-Сирана, то в чем-то Ришелье да прав, рассматривая доктрину как опасную. Но, может быть, и Анжелика Арно была в чем-то права, сделав Сен-Сирана духовником Пор-Руаяля, в чем-то прав был и тот духовный сын его, который «видел в нем одно из самых живых подобий Иисуса Христа».³³

Чтобы понять, хотя бы только отчасти (совсем понять нельзя), это противоречиво-двойственное в религиозной личности аббата Сен-Сирана, надо вспомнить то, что Гёте говорит о «демоническом» – «той загадочной силе, которую все чувствуют, но никто не может объяснить» и которая сказывается в разнообразнейших явлениях всей видимой и невидимой природы. «Сила эта накидывается охотнее всего на великих людей и любит сумеречные века». «Демоническое бывает *всегда* (durchaus) положительно творческим», – утверждает Гёте.³⁴ Но, кажется, вернее было бы сказать, что здесь та сумеречная область, где свет борется с тьмой, творческое – с разрушительным. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – по глубокому слову Достоевского.

Кажется, в аббате Сен-Сиране, точно так же как в духовном брате-близнеце его, Кальвине, от которого он все открещивался и никак не мог откреститься, в высшей степени присутствовала эта загадочная сила «демонического». Сен-Сиран очень скрытен, может быть, потому, что сам чего-то не понимает и страшится в себе и от людей хочет это непонятное скрыть. Но ученик его, последний великий богослов и философ Пор-Руаяля, Пьер Николь (Pierre Nicole, 1625–1695), откровеннее учителя. Как борется в Сен-Сиране святое и темное, творческое и разрушительное, можно видеть по религиозному опыту Николь.

Жертва Голгофы совершилась не за всех людей, а только за «предопределенных», «избранных»; если этого учения Лютера, Кальвина и Янсения Николь не отрицает, то сомневается в нем так, что правоверные янсенисты, может быть, недаром подозревают его в «ереси». «Слово Божие озаряет *всех* приходящих в мир», – учит Николь. «Некогда посеянное

³⁰ см. сноску выше.

³¹ E. Renan, Nouvelles études d'histoire religieuse, 479–480.

³² H. P. Stewart, La sainteté de Pascal trad. française, 1919, 142.

³³ Lancelot, Mémoires touchant la vie de M. de Saint-Cyran, 1738, II, 304. Bremond, 40.

³⁴ Eckermann, Gespräche mit Goethe, II, 26 Februar, 2 März, 30 März 1831, 52–53.

Богом в человеке семя добра все еще сохранилось в нем... Как бы ни было искажено лицо человека первородным грехом – черты Лица Божьего уцелели в этом лице... Если цельное здание было сверхъестественным (человек до греха), то развалины его остаются такими же (человек в его теперешнем состоянии)»³⁵ Есть Благодать у простых добрых людей и даже у язычников.³⁶ Отблеск лица Божьего светится во всяком добром человеческом деле. И чаша холодной воды может быть подана жаждущему только во имя Христа.

Вывода из всего этого Николь не делает, но сделать его легко: Лютер, Кальвин и Янсений заблуждаются, думая, что Христос умер не за всех людей, а только за «избранных» и что в нужной для спасения Благодати отказано бесчисленному множеству душ.

Но все это – в «дневной душе» Николя, в его сознании, а в «душе ночной», под сознанием – иное. Вот какие страшные сны наяву посещают его: «Мир подобен огромному застенку, где бесчисленному множеству палачей, терзающих жертвы свои и пребывающих во власти своей ярости, ведено щадить только очень немногих из этих несчастных... и их мучают, и только немногим из них ведено спасти жизнь. Но даже и эти не могут быть уверены, что их пощадят. Они боятся смерти, которая постоянно окружает их, боятся людей вокруг них, видя в них отражение смерти. Они не в состоянии различить, кого из этих людей они должны бояться и кого нет... и проводят всю жизнь, ужасаясь и утопая в крови пытаемых братьев своих».³⁷ А вот и другое видение мира, созданного Всеблагим: «Темная комната, вся наполненная спящими змеями... а на них спит человек... и змеи не жалят его... Вдруг открывается окно, яркий свет падает в комнату, и змеи, проснувшись, накидываются на человека и жалят его, и терзают».³⁸

«Бог хранит для нас великие искушения, в которых мы уже не знаем, не дьявол ли Бог, и не Бог ли дьявол», – говорит Лютер.³⁹ Этого не скажет Николь, но, может быть, нечто подобное чувствует в страшных снах своих наяву. Кажется, эти сны навеяны на него Сен-Сираном, учителем его, а не Сен-Сирана – Кальвином.

Бог разделяет все человечество на две неравные части – одну, неизмеримо меньшую, – не по заслугам *наверное* спасающихся, и другую, неизмеримо большую, – *наверное* без вины погибающих, – учит Кальвин и сам признается: «Этот приговор Бога ужасен (*decretum quidam horribile fateor*)».⁴⁰ «Ужас больше, чем вера (*terrorem potius quam religionem*)», – скажет Паскаль⁴¹ об этом учении Лютера, Кальвина, Янсения, а может быть, и Сен-Сирана, чья духовная дочь, Анжелика Арно, почти святая, говорила перед смертью: «Я чувствую себя, как у подножия виселицы осужденный злодей, который ждет, чтобы приговор над ним был исполнен. Я думала всю жизнь о смерти, но это – ничто по сравнению с тем, что я думаю и чувствую сейчас».⁴²

Сен-Сиран, духовный отец Анжелики, умер задолго до нее, но если бы и жив был, то не мог бы ей помочь ничем, потому что в жизни чувствовал почти то же, что она в смерти. «Благ Господь», – говорит св. Винсент де Поль. «Страшен Господь», – говорит Сен-Сиран.⁴³ «Что для тебя главное в Боге?» – спросили однажды Янсения, и он ответил: «Истина». Св. Франциск де Саль ответил бы: «Любовь».⁴⁴ А что ответил бы Сен-Сиран? Если верно, что в

³⁵ P. Nicole, *Grâce générale*, I, 208–211. Bremond, 436.

³⁶ P. Nicole, *Pensées et Opuscules*, 551. Bremond, 437.

³⁷ P. Nicole, *Essais de morale*, 1733, I, 167–168. Sainte-Beuve, II, 150.

³⁸ *Essais de morale*, IV, 103–104.

³⁹ Luther, *Tischreden*, éd. 1568, S. 220.

⁴⁰ Doumergue, Calvin, IV, 377.

⁴¹ *Pensées*, 185.

⁴² *Mém. pour servir à l'hist. du Port-Royal*, Utrecht, 1742, II, 130–137. Sainte-Beuve, II, 79.

⁴³ Sainte-Beuve, I, 135, 87.

⁴⁴ см. сноску выше.

религиозном опыте есть нечто «демоническое», то у него было бы два ответа: то «Любовь», то «Ужас».

8

Эту «демоническую» двойственность преодолевает Паскаль. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх». Что это значит, понял Паскаль. «Бог, устраивая все в тишине (любви), влагает веру в человеческий ум разумными доводами, а в сердце – Благодать; делать же это силой и угрозами – значит внушать людям не веру, а ужас (*terrorem potius quam religionem*)».⁴⁵ «Иисус Христос – Искупитель всех... Когда вы (ученики Лютера, Кальвина и Янсения) учите, что Христос умер не за всех... вы доводите людей до отчаяния... вместо того, чтобы приводить их к надежде».⁴⁶

Все «демоническое» в человеке совершается под знаком Двух, а все Божественное – под знаком Трех. «*Две* в человеке борющиеся противоположные низшие истины» примиряются в *Третьей* Истине, высшей, в Боге.⁴⁷ «*Два* порядка»: низшие – «плоть и дух» – соединяются в «*Третьем* порядке», высшем – в «Любви».⁴⁸ Это Паскаль поймет и скажет людям; главное дело всей жизни его и будет в этом.

Верно и глубоко понял один из лучших знатоков Паскаля, родственник ему по духу человек наших дней, христианин и математик, Эмиль Бурту (Bourtois): «*Все – едино, одно в другом, как три Лица Троицы*», – эти слова из «*Мыслей*» Паскаля озаряют, как молния, весь наш умственный кругозор».⁴⁹ Вот что значит: «Если вам кажется верным и сильным то, что я вам говорю, то знайте, что это говорит человек, который, став на колени, молился и будет молиться за Безграничное Существо, которому он отдаст все, что сам имеет, а также что и вы имеете, для вашей же собственной пользы и для Его славы».

Два – число «демоническое» – знамение вечной Войны, а вечного Мира знамение – число Божественное Три, потому что воюющих Двух примирить может только *Третий*. О, если бы люди наших дней пред лицом второй Великой Войны – неминуемой гибели всего христианского человечества – поняли, что единственный для них путь спасения – этот, указанный Паскалем: не война, а мир, – не Два, а Три.

О, если бы и ты (Иерусалим), хотя в сей твой день понял, что служит к миру твоему! (Лука, 19:42).

Первая встреча аббата Сен-Сирана с Анжеликой Арно – как бы таинственный духовный брак, от которого родится великое дитя – Пор-Руаяль тех последних дней, когда не в «дневной», а в «ночной душе» его будет поставлен никем, кроме Паскаля, не услышанный вопрос: «Два или Три?» – эта первая встреча произошла в 1623 году.⁵⁰ В том же году родился Паскаль.

⁴⁵ Pensées, 118, 300, 72, 303.

⁴⁶ см. сноску выше.

⁴⁷ см. сноску выше.

⁴⁸ см. сноску выше.

⁴⁹ Chevalier, 11, 38.

⁵⁰ см. сноску выше.

II. Жизнь Паскаля

1

Паскаль родился 19 июня 1623 года, в городе Клермон в Оверни. Замкнутый в полукруг зеленеющих летом, осенью желтых, а зимой ослепительно белых под снегом, дремуче-лесистых гор и потухших вулканов, этот город казался даже в самые яркие, солнечные дни мрачным, потому что большая часть домов была построена в нем на окаменелой черной лаве окрестных вулканов.

Блэз Паскаль родился на улице Дэ Гра, между двумя соборами – одним сурового и голого, романского, а другим – сложного и немного, готического зодчества, в двух шагах от той площади, где некогда папа Урбан Второй проповедовал первый Крестовый поход.⁵¹

Род Паскалей принадлежал в течение двух-трех веков к чиновничьей полузнати, полумещанству. Отец Блэза, Этьен, был младшим председателем Клермонтской Судебной Палаты, человеком всеми уважаемым за безукоризненную честность, довольно богатым и очень образованным, даже ученым, особенно в математике.⁵² Жена его, Антуанетта, из Клермонтского почтенного купеческого рода Бэгон, была горячо верующая, добрая и умная женщина. Кроме сына были у них две дочери: одна, Жильберта, на два года старше Блэза, а другая, Жаккелина, на два года моложе.⁵³

Мальчик, по третьему году, так тяжело заболел, что едва не умер. Странной была эта болезнь, если верить семейным преданиям: он так боялся воды, что от одного вида ее делались у него судороги; так же боялся отца и, когда тот подходил к нему с матерью, начинал биться в припадке. Люди говорили, что одна бедная женщина, имевшая несчастье прослыть колдуньей, которой госпожа Паскаль подала однажды милостыню, держа младенца на руках, «сглазила» его, «испортила». В «порчу» поверить не помешала Этьену Паскалю вся его ученость. Он разыскал «колдунью» и, угрозами вынудив у нее признание в том, что она действительно «испортила» младенца, заставил ее перенести порчу на черную кошку, которая очень скоро подохла, чем подтвержден был слух о колдовстве. В то же время, по совету колдуньи, начали делать больному припарки из «девяти сорванных на заре, семилетним мальчиком, целебных трав», и скоро младенец выздоровел так, что от болезни не осталось следа.⁵⁴

«Мне иногда кажется, что не все в колдовстве обман... потому что если бы не было в нем чего-то действительного, то люди в него не верили бы вовсе», – скажет Паскаль в «Мыслях», может быть, вспоминая о том, что было с ним самим в детстве.⁵⁵ Страх воды, бывший у него в начале жизни, сделается в конце ее страхом «Бездны», а число лет, когда он заболел, три – так же, как число тех целебных трав, которые спасли его от смерти; трижды три девять – будет надо всей его жизнью сияющим знаменiem, числом Божественным – Три.

⁵¹ V. Giraud, *La vie héroïque de Blaise Pascal*, 1923, pp. 4–5.

⁵² Michaut, *Les époques de la pensée de Pascal*, 12–13.

⁵³ V. Giraud, 2, 10.

⁵⁴ Faugère, *Mémoires de Marguerite Perier*, 1845; 174, V. Cousin, *Etudes sur Pascal*, 1876, 329.

⁵⁵ Pénésées, 818.

2

В 1626 году, когда Блэзу минуло три года (опять Три), мать его умерла. Памяти жены остался верным Этьен Паскаль до конца жизни, о новом браке не думал и сосредоточил всю свою любовь на детях – больше всего на сыне.

В 1631 году он продал свой дом в Клермоне, продал также, по тогдашнему обычаю, должность свою и, чтобы лучше исполнить то, что считал, по смерти жены, единственным назначением всей своей жизни, – воспитать детей, – переселился в Париж.⁵⁶

«Люди думают, – говорил Паскаль, – что жизнь человека начинается с рождения, а я думаю, что надо считать жизнь с того дня...» Следует только на языке Паскаля возможное сочетание слов: «Жизнь надо считать с того дня, когда человек начинает *потрясаться разумом (être ébranlé par la raison)*, что происходит не раньше двадцати лет; до того человек – дитя, а дети – не люди». ⁵⁷ Кто думает так, тот никогда не знал детства. Но если Паскаль первого детства не знал, то узнает второе. Общий путь людей – от детскости ко взрослости, а путь Паскаля обратный: от взрослости к детскости. Надо ему будет «обратиться», чтобы «сделаться, как дитя». «Этот великий, все испытующий ум был в деле веры послушен, как маленький ребенок, и эту детскую простоту он сохранил до конца жизни», – вспоминает сестра его, Жильберта Перье.⁵⁸

«С детства он верил только очевидным доказательствам, и если ему не приводили их, то он сам их искал, – вспоминает та же сестра Паскаля. – Однажды кто-то за столом нечаянно ударил по фаянсовому блюду ножом, и мальчик заметил, что блюдо зазвучало, но, только что к нему прикоснулись рукой, звук прекратился. Чтобы узнать причину этого явления, он тотчас начал делать опыты и потом изложил их в трактате о звуках... В это время ему было одиннадцать лет, а в двенадцать обнаружился его геометрический гений в необыкновенном происшествии... Часто просил он отца учить его математике, но тот все отказывал, обещая ему это, как награду, когда он научится древним языкам. Видя это сопротивление, мальчик спросил его однажды, что такое геометрия, и тот ответил ему кратко, что это способ чертить правильные фигуры и находить между ними пропорции, и запретил об этом говорить и даже думать. Но, мучимый любопытством, только что он оставался один в комнате, где обыкновенно, отдыхая от занятий, развлекался играми, он начинал чертить углем на полу геометрические фигуры, стараясь сделать их как можно правильней. Но, даже имени их не зная, прямые называл „палочками“, а круги „колечками“ и, находя между ними пропорции, дошел, наконец, до тридцать второй теоремы первой книги Евклида (сумма углов в треугольниках равна двум прямым)».

«Как-то раз отец вошел в комнату так тихо, что мальчик, погруженный в мысли свои, не слышал его и долго не замечал». А когда заметил, испугался, побледнел, и, может быть, лицо у него исказилось так же, как в младенчестве, когда отец с матерью подходили к нему, и от ведьминской «порчи» с ним делался припадок. Может быть, в эту минуту он почувствовал почти подобное тому, что чувствовал Адам, вкусив от запретного плода с Древа Познания, и вспомнил угрозу: «Смертью умрешь». Так же испугался и отца. Но больше страха было удивление как бы от чего-то из мира нездешнего, когда на вопрос его, что он делает, мальчик ответил ему тридцать второй теоремой Евклида.

⁵⁶ F. Strowski, Pascal et son temps, 1907, II, 2. Boutroux, Pascal, 8.

⁵⁷ L. Brunschwig, Pascal, Pénées et Opuscules: Discours sur les passions de l'amour, 124.

⁵⁸ Brunschwig, 11.

«Сыну не сказав ни слова, отец поспешил к другу своему, ле Пайеру, геометру, и, войдя к нему в комнату, остановился молча, как бы вне себя, а потом заплакал. Ле Пайер в тревоге спросил его, что случилось.

«Я плачу не от горя, а от радости, – ответил Этьен Паскаль. – Вы знаете, как тщательно я скрывал от сына математику, чтобы не отвлек его от других наук, а между тем вот что он сделал – как бы снова открыл геометрию Евклида!»⁵⁹

Если все это – легенда, то, может быть, и в ней – такая же не внешняя, а внутренняя правда, как в том рассказе о ведьме, «сглазившей» Паскаля в младенчестве.

Существует древняя, вероятно, гностического происхождения легенда, о которой упоминает и Данте в «Божественной Комедии».⁶⁰

Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами в довременной войне Бога и дьявола, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения. Но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмой, добром и злом, благодать Божия посылает в мир, чтобы могли они сделать выбор во времени, не сделанный в вечности. Та же благодать скрывает от них забвением прошлую вечность для того, чтобы раздвоение, колебание воли их, в вечности бывшей, не предreshало того уклона воли, от которого зависит спасение или гибель их в вечности будущей. Вот почему люди так естественно думают о том, что будет с ними после смерти, и не умеют, не могут, не хотят думать о том, что было с ними до рождения. Людям дано забыть, откуда, – чтобы яснее понять, куда они идут.

Таков общий закон религиозного опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых приподнялся угол завесы, скрывающей от людей тайну прошлой вечности. Кажется, одна из таких душ – Паскаль.

Чувство незапамятной давности, древности – воспоминание земного прошлого сливается у него с воспоминанием прошлой вечности, таинственные сумерки детства – с еще более таинственным всполохом иного бытия – того, чтобы было до рождения. Так же просто, как другие говорят «моя жизнь», Паскаль говорит: «Моя вечность». На дне всех земных мук его – мука неземная – неутолимая жажда забвения.

Спасти́сь от думы неизбежной
И незабвенное забыть.

Дети ближе, чем взрослые, к тому, что было до рождения. В этом, кажется, причина того, что Паскаль обладает никогда ему не изменяющей способностью возвращаться в детство, о котором вспоминает сестра его, Жильберта.

Когда двенадцатилетним мальчиком он «снова открывает геометрию Евклида», то, может быть, не узнает ничего нового, а только вспоминает то, что знал еще до рождения, в прошлой вечности. Вот почему отец его испытывает при этом такое удивление, подобное ужасу, как будто он вдруг заглянул через сына туда, куда человеку не должно заглядывать.

Может быть, душа Паскаля есть лучезарный дух познания, херувим, сошедший на землю, родившийся для того, чтобы сделаться огненным духом любви, Серафимом.

⁵⁹ Brunswigg, *Vie de Pascal* par M. Gilberte Périer, 4–6.

⁶⁰ Inf., III, 37–39....quel cattivo corodelli angeli che non furon ribelliné fur fedeli a Dio, ma per sè foro.

3

Переселившись из Клермона в Париж, Этьен Паскаль вложил все свое имущество в доходные бумаги Парижской Ратуши, но в недобрый час, потому что кардинал Ришелье, всемогущий министр короля Людовика XIII, сделал, как раз в эти дни, то, что власть делала всегда, чтобы наполнить пустую казну, – запустил руку в чужой карман и вынул из него сколько хотел. На четверть были урезаны доходы вкладчиков Парижской Ратуши. Несколько жертв этой несправедливости – в том числе и Паскаль, – выражая свое возмущение главному интенданту-казначею, осыпали его площадною бранью и едва не избили, за что были посажены в Бастилию. Но Паскалю удалось бежать и скрыться у друзей, а потом уехать к себе на родину, в Клермон.⁶¹

В это время младшая дочь его, восьмилетняя Жаккелина, оставшаяся в Париже у родных, так тяжело заболела оспой, что едва не умерла. Когда в первый раз по выздоровлении увидела она рябое лицо свое в зеркале, то огорчилась, но не очень, а потом и совсем утешилась, сочинив благодарственную молитву в стихах:

Рябинами этими, Боже,
Ты запечатлел лицо мое,
Чтобы девство мое сохранить.

Je les prends, dis-je, o Souverain!
Pour un cachet dont votre main,
Voulut mariner mon innocence...⁶²

В те же дни писала она о любви:

Свободна я от ига твоего, Любовь,
Твое безумье разум презирает.

Libre de ton servage et de cette rigueur,
Qui fait que la raison te fuit et te méprise.⁶³

Богу решила себя посвятить, но в монастырь идти не хотела, потому что «многое», говорила, «делается в монастырях, что разумными людьми не может быть одобрено».⁶⁴

Сочиняет «Утешение» на смерть одной гугенотки:

Дал ли Ты ей такую веру, Боже,
Только затем, чтобы ее погубить?
Нет, на милость Твою уповаю
И верю в Твой Промысел мудрый,
И вечную благодать Твою.⁶⁵

⁶¹ Giraud, Vie heroique de Pascal, 27.

⁶² F. Mauriac, Blaise Pascal et sa soeur Jacqueline, 1931, p. 30.

⁶³ Strowski, II, 45.

⁶⁴ Mauriac, 42: «Dans les couvents on pratique des choses qui ne sont pas capables de satisfaire un esprit raisonnable».

⁶⁵ V. Cousin, Etudes sur Pascal, 110.

Это значит: хотя и еретичка, будет спасена.

В этих стихах как будто предчувствует она, что будет и сама полугугеноткой-янсенисткой в Пор-Руаяльской обители и так же в молодости умрет за новую веру.

В то же время пишет королеве на ее беременность не совсем приличные для двенадцатилетней девочки стихи:

Каждый раз, как младенец, еще не рожденный,
Двигается во чреве матери, —
Это для наших врагов — землетрясение.⁶⁶

«Маленькими чудесами (*petites merveilles*)» кажутся эти стихи королеве, и Жаккелина, сделавшись придворным поэтом, входит у нее в такую милость, что прислуживает за ее столом.⁶⁷

Однажды, в присутствии кардинала Ришелье, в доме племянницы его, герцогини д'Эгийон (*d'Aiguillon*), мальчики и девочки — в том числе и Жаккелина Паскаль — играли комедию «Тиранство любви».⁶⁸

«Очень был доволен кардинал, особенно когда я выходила на сцену, — писала Жаккелина отцу. — После представления он взял меня к себе на колени и, пока я читала ему сочиненные мною в честь его стихи, обнимал меня и целовал». «Можете написать отцу, чтобы он возвращался, ничего не боясь», — сказал он ей на прощание.

«В самом деле, Монсеньор, этот человек достоин вашей милости, потому что слишком жалко, что он не приносит пользы государству», — подтвердила госпожа д'Эгийон и тут же напомнила ему о Паскале, уже в пятнадцать лет «великом математике».

Тот при этом присутствовал и под взором Ришелье не смутился: помня, что «снова открыл геометрию Евклида», чувствовал свое величие. Если бы кто-нибудь в эту минуту пристальней взгляделся в невозмутимо спокойное лицо его, с почти неуловимой улыбкой, то, может быть, понял бы, с какой высоты этот мальчик смотрел на всемогущего старика в кардинальском пурпуре. Вот когда впервые овладела им та неутолимая «похоть превосходства (*libido excellendi*)», с которой он будет тщетно бороться всю жизнь.⁶⁹

В эти дни Паскаль, на шестнадцатом году, пишет «Опыт о конических сечениях», в котором «делает такое открытие, какое не сделано никем за 2000 лет после Архимеда».⁷⁰ Шестиугольник, вписанный в коническое сечение и обладающий тем свойством, что все три точки пересечения двух противоположных сторон его находятся всегда на одной прямой, называет он «Мистической Гексаграммой» (*Hexagramme mystique*), может быть, уже предчувствуя то, что будет движущей силой всех его открытий, — мистику в математике, веру в познании. Три точки пересечения двух сторон шестиугольника находятся на **одной** прямой. Один, Два, Три — это сочетание Божественных Чисел, может быть, и есть для него «мистика в математике». «Это исследование мы продолжим, насколько Бог даст нам сил», — заключает он свою теорему, как молитву.⁷¹

«Опыт» этот прославил его на всю Европу. Будущий соперник его, Декарт, не верил или только притворялся, будто бы не верит, что шестнадцатилетний мальчик мог сделать

⁶⁶ Mauriac, 20.

⁶⁷ Mauriac, 21–23.

⁶⁸ Cousin, 92. La duchesse d'Aiguillon. L'Amour tyrannique. Mauriac, 31–34.

⁶⁹ *Pensées*, 458, 460.

⁷⁰ Braunschwig, 8.

⁷¹ Chevalier, Pascal, 1922, 54–56.

такое открытие, а втайне ему завидовал. «Чудным отроком» (*minis adolescens*) называет его великий математик Гассенди, и Лейбниц им восхищается.⁷²

⁷² Strowski, II, 30–32.

4

Ришелье исполнил свое обещание: Этьен Паскаль назначен был главным королевским комиссаром для взимания податей и налогов в Верхней Нормандии, с огромным жалованием в 70 000 ливров.

С нищих и голодных людей пришлось комиссару выколачивать недоимки и усмирять, с помощью военной силы, «Бунт Босоногих», новую Жакерию. Липнет к золоту кровь – это тогда уже понял сын комиссара.⁷³

Чтобы облегчить отцу работу по исчислению налогов, он изобрел «счетную машинку», производившую все исчисления по четырем правилам арифметики,⁷⁴ и поспешил обнародовать свое изобретение, «чтобы все узнали, каков этот опыт двадцатилетнего юноши», скажет он сам о себе, когда после десятилетних усилий по усовершенствованию машинки и по устройству более чем пятидесяти образцов ее посвятит ее канцлеру Селье (Sellier), жестоко издеваясь в этом посвящении над злополучным соперником своим, Руанским часовщиком, изобретателем такой же машины. «Жалкий выкидыш его был мне так противен, что я и к собственной машине моей охладел бы, если бы не было угодно Канцлеру своим покровительством пресечь в корне это зло, чтобы не лишить меня славы моей».⁷⁵

В этом изобретении Паскаль, может быть, сам уже предчувствовал то, что будет второю движущей силой всех его открытий – прикладное, жизненное действие науки – власть человека над природой.

В то же время начались у него те болезни, которым суждено было длиться, с небольшими перерывами, двадцать лет. «Не было у меня, с восемнадцати лет, ни одного дня без страданий», – скажет он сам в конце жизни.⁷⁶ Первое начало этим болезням положил его отец, так же «сглазив», «испортив» его наукой, как некогда клермонтская ведьма – колдовством. Кроме физики, механики и математики, ни о чем не говорил с ним, даже за обедом и ужином, отбивая у него охоту к пище и закармливая плодами с Древа Познания.

Чем-то подобным параличу поражена была вся нижняя часть тела его, ноги иногда почти совсем отнимались, «холодея, как мрамор», и, даже когда начинали служить ему снова, он не мог ходить без костылей.⁷⁷

В эти дни он написал «Молитву о добром употреблении болезней (Prière pour demander à Dieu le bon usage des maladies)». «Господи, сделай так, чтобы Ты жил и страдал во мне... да утешит меня Твой бич...» «Некогда я считал здоровье благом, не потому, что здоровому мне было бы легче послужить Тебе, Господи... а потому, что я мог предаваться необузданней всем наслаждениям». «Вся моя жизнь донныне была ненавистной Тебе: ибо, презирая слово Твое и святейшие Таинства Твои, я жил в гнусной праздности».⁷⁸

Судя по этим угрызениям, может быть, несколько преувеличенным, но, кажется, все-таки искренним, Паскаль в юности не был вовсе таким «святошей», каким изображает его Жильберта Перье в своем полугугенотском «Житии св. Блэза Паскаля».

В зиму 1646 года Этьен Паскаль, выйдя однажды в гололедицу из дому, чтобы помешать глупому поединку двух друзей своих, поскользнулся на льду, упал и вывихнул себе ногу в бедре так, что был отнесен домой на носилках. Чтобы вправить вывих, пригласили

⁷³ Giraud, 29–30.

⁷⁴ Braunschwig, 8–9.

⁷⁵ Michaut, 33, 41–42.

⁷⁶ см. сноску выше.

⁷⁷ Faugères, Mém. de Marg. Périer, 453. Michaut, 42.

⁷⁸ Braunschwig, 56. «Prière pour demander à Dieu le bon usage des maladies», 61–62.

двух знаменитых костоправов, сельских владетельных сеньоров, братьев Дэшан, пламенных проповедников «новой евангельской веры», по св. Августину и Янсению, чья книга «Внутреннего человека преобразование», во французском переводе Сен-Сирана, основателя Пор-Руаяльской обители, была в искусных руках двух костоправов тем же для сокрушенных сердец, чем лубки и колодки для сломанных рук и ног.

Братья Дэшаны, прожив около трех месяцев в доме Паскалей, обратили Блэза в новую веру; тот обратил сначала младшую сестру свою, Жаккелину, потом – отца и, наконец, старшую сестру, Жильберту Перье, с мужем, подъехавшую как раз вовремя, в чем не преминули новообращенные увидеть «особый Промысел Божий», так же как в глупом поединке двух друзей, и в гололедице, и в счастливом падении Этьена Паскаля.⁷⁹

Не было, впрочем, никакого действительного обращения, потому что все в доме Паскалей были верующими всегда и только в простоте сердца думали, что можно разделить жизнь на две неравных части, отдавая большую часть – миру, а меньшую – Богу. Но теперь узнали, что этого сделать нельзя и что надо отдать всю жизнь или миру или Богу. Этот-то выбор они и сделали, или им казалось только, что сделали, потому что скоро суждено им было убедиться, что Бога выбрали они больше умом, чем сердцем.⁸⁰ Что это было действительно так, видно по делу Паскаля-сына с бывшим францисканским иноком Жаком Фортолом,⁸¹ аббатом Сэнт-Анжем. Этот детски простодушный и безобидный старик точно впал в «ересь», утверждая, что вера нужна только для слабых умов, а сильные могут постигнуть тайны Божии без помощи веры.

Новообращенный Блэз Паскаль, вместе с двумя друзьями своими, Адриеном Озу (Auzoult), юным математиком, и Раулем Галлэ (Halle), сыном важного руанского чиновника, восстали на о. Сэнт-Анжа с такою пламенной ревностью, что сам Торквемада мог бы им позавидовать. Под слишком нескромным и упорным давлением Паскаля Руанский архиепископ вынужден был трижды возобновлять это для него постылое дело, сам допрашивать бедного о. Сэнт-Анжа и заставлять его отречься от ереси, которой, может быть, меньше боялся, чем правоверия Паскаля. Три молодых и злых петушка хотели заклевать добрую, старую курочку.⁸² Этот больной юноша на костылях, с прозрачно-желтым, как воск, изможденным лицом, с горбатым носом – хищным клювом – и с огромными, лихорадочно горящими глазами напугал архиепископа так, что ему казалось иногда, что Паскаль обличает в ереси не только о. Сэнт-Анжа, но и его самого.

⁷⁹ Faugère, Mémoires de Marguerite Périer, 424–427. Giraud, 41–42.

⁸⁰ Boutroux, Pascal, 21. Giraud, 39–40.

⁸¹ тогдашним

⁸² V. Cousin, Etudes sur Pascal, 348–388. Abbé Maynard, Pascal, sa vie et son caractère, I, 30–44. Giraud, 45–46.

5

«Похоть знания (*libido sciendi*) – ядовитейший плод грехопадения», – учит Янсений, и с ним соглашается новообращенный Паскаль, а между тем, в эти именно дни, предавался «похоти знания» с такой неутолимою жадностью, как еще никогда. Видно и по этому, что выбор между Богом и миром он сделал больше умом, чем сердцем. Пока читал Янсения или страдал от болезни – презирал науку; но только что от него отступала болезнь, как демон Знания снова к нему приступал. Что-то было в нем, грешное или святое, что не могло или не хотело умереть для мира.⁸³

Осенью 1648 года, продолжая изыскания Галилея и Торичелли, Паскаль делает «великий опыт над равновесием жидкостей (*Grande expérience de l'équilibre des liquides*)», чтобы опровергнуть идущее от Аристотеля и принятое Декартом учение схоластиков о господствующем в природе «страхе пустоты» (*horror vacui*).

Шурин Паскаля, муж его сестры Жильберты, советник Судебной Палаты в Клермоне, Флорен Перье, исполнил с точностью замысел его: в присутствии многих свидетелей делал на различных высотах горы Пюи-де-Дома, близ Клермона, то при ясной погоде, то при дожде и тумане, опыты с двумя наполненными ртутью стеклянными трубками – одной у подножия горы, а другой – на вершине, чтобы знать, зависит ли подъем ртути от этих высот. Если бы уровень ее понижался при восхождении на гору, то было бы доказано, что действительная причина этого понижения не «страх пустоты», а тяжесть и давление воздуха, потому что у подножия горы это давление больше, чем на вершине, а утверждать, что природа «боится пустоты» внизу больше, чем наверху, было бы явной нелепостью.

Опытom этим были не только доказаны все гипотезы Паскаля о равновесии жидкостей, но и заложено основание всей точной науки новых времен. «Опыта не может ни заменить, ни опровергнуть никакое отвлеченное понятие». «Опыт убедительнее всех рассуждений». «Разум должен подчиниться опыту».⁸⁴

Есть что-то в человеке выше и сильнее разума; если это понял Паскаль, то понял и то, что янсенисты не правы: знание может и не быть «суею» (*vanitas*). А поняв это, он соединил бы, хотя бы только в одной точке, знание с верою – природу с Богом.

В том же году изобретает он гидравлический пресс. Если в замкнутом отовсюду и наполненном водою сосуде находятся два отверстия, одно во сто раз больше другого, и если к обоим плотно прилажены закрывающие их поршни, то сила человека, надавливающего на малый поршень, будет равна силе ста человек, толкающих тот поршень, который во сто крат больше, так что сила эта превзойдет силу девяноста девяти человек. Вот как лучезарно ясно и детски просто это новое учение о гидростатике – один из путей к бесконечному умножению власти человека над природой. Частные законы равновесия жидкостей возводит Паскаль в этом учении и к общим законам механики, доказывая, что три статики – твердых, жидких и газообразных тел – должны быть частями одной будущей науки.⁸⁵ И здесь опять предчувствует он возможное соединение знания с верою, Бога с природой. «Три начала – пространство, число и движение, – объемлющие мир», внутренне связаны, потому что «Бог все сотворил по весу, числу и мере (*Deus fecit omnia in pondere, in numero et mensura*», – скажет Паскаль в своих пророческих заметках «О духе геометрии» («*De l'esprit géométrique*»)).⁸⁶

⁸³ Boutroux, 46–47. Michaut, 58–59.

⁸⁴ Strowski, II, 183–184. Chevalier, 66–70.

⁸⁵ Boutroux, 42–43. Strowski, II, 186–187. Chevalier, 71–72.

⁸⁶ Brunsch., 173.

Движущей силой всех его открытий будет и это предчувствие возможного соединения Бога с природой.

Но и здесь за бескорыстной жаждою знания скрывается у него все та же неутолимая «похоть превосходства». Опыт над равновесием жидкостей он так же спешит обнародовать, как некогда – изобретение счетной машины. «Я это делаю, – признается он, – потому что, употребив на это открытие столько времени, трудов и денег, я боюсь, чтобы кто-нибудь... не похитил его у меня».⁸⁷

Опыт над пустотою еще больше прославил имя Паскаля, возбудив еще сильнейшую зависть в Декарте. «Это я внушил ему два года назад желание сделать этот опыт и уверил его в успехе, потому что этот опыт вполне соответствовал тому, что я предполагал, а ему самому этот опыт и в голову никогда не пришел бы, потому что он был противного мнения», – пишет друзьям своим Декарт. Это значит одно из двух: или Паскаль – вор, или Декарт – клеветник. Чтобы не делать между ними печального выбора, потомство, может, с чрезмерной легкостью оправдывает обоих, объяснив все это дело «недоразумением» и «ошибкой» Декарта.⁸⁸

⁸⁷ Michaut, 55–56.

⁸⁸ Boutroux, 39. Strowski, II, 159–161.

6

«Заболев от чрезмерных научных работ, Паскаль вынужден был покинуть их по совету врачей, чтобы предаться светским развлечениям, карточной игре и другим рассеяниям», – вспоминает янсенистская летопись тех дней.⁸⁹

В это время Жаккелина, после своего обращения в новую веру, отказалась выйти замуж и решила идти в монастырь, изменив прежнее мнение свое, что «в монастырях делается многое, что разумными людьми не может быть одобрено». Но когда она сообщила отцу о своем решении, тот отказал ей в согласии. Видно и по этому, что Этьен Паскаль так же, как сын его, сделал выбор между Богом и миром больше умом, чем сердцем, и построил свой дом на песке. А Жаккелина строила на камне и, оставаясь непреклонной в решении своем, только обещала отцу отложить свой постриг до его смерти. Но, поселившись в отдельной комнате, из которой почти никуда не выходила, жила она в родном доме, как чужая, и в миру, как монахиня. Ласкова была со всеми, но как бы отсутствовала и казалась мертвою среди живых. Брат в это время был на ее стороне, может быть, потому, что сам внушил ей первую мысль о монашестве.

Желая удалить дочь от опасного соседства с Пор-Руаялем и, может быть, надеясь, что внешняя перемена жизни повлечет за собою и внутреннюю, отец увез детей в Оверн и, вместе с тем подозревая Жаккелину в тайной переписке с Пор-Руаяльским духовником ее, аббатом Сенгленом (Singlin), и матерью Агнессой, игуменьей, поручил старой няне и ключнице, Луизе Дэфо, наблюдать за дочерью и доносить ему обо всем. Хуже всего было то, что и брат, начав ревновать ее к Пор-Руаяльским отшельникам, перешел постепенно, может быть, сам того не сознавая, на сторону отца.⁹⁰

Когда Этьен Паскаль тяжело заболел, Жаккелина не отходила от него, ночей не спала, но чем нежнее ухаживала за ним, тем мучительнее казалось ему, что она только и ждет смерти его, чтобы уйти в монастырь.⁹¹

Осенью 1651 года Этьен Паскаль умер. Сын ему сочинил надгробную надпись, а старшей сестре своей, Жильберте Перье, и мужу ее – утешительное послание, такое же бесстрастно отвлеченное, как наблюдения над подъемами ртути в стеклянной трубке на разных высотах.

В этих общих местах, взятых как будто из «Руководства» Эпиктета, чувствуется мраморный холод стоического Портика или параличных ног Паскаля, дошедший до сердца его. Кажется, иногда он верит насильно, сжав кулаки и стиснув зубы, в то, что говорит: «Не будем скорбеть о смерти его, как язычники, для которых нет надежды; но будем помнить, как христиане, что в смерти он только исполнил то, для чего родился». «Я не говорю, чтобы вы не скорбели вовсе: удар слишком для нас чувствителен... Но в великой скорби мы должны находить и великую радость с полезным для души назиданием». «Я потерял в нем больше вас всех. Если бы он умер шесть лет назад, то смерть его была бы для меня гибелью, и хотя я сильнее и уже не так нуждаюсь в нем, как прежде, но все же, в течение десяти лет, он был бы мне еще нужен».⁹² Нужен был бы ему отец не навсегда, а только на десять лет. Какая математическая точность расчета и какая сухость сердца! Чтобы это почувствовать, стоит лишь сравнить как будто христианское утешение Паскаля с как будто языческим отчаянием св. Бернарда Клервосского, говорящего о смерти брата: «Смерти я ужасаюсь для себя и для

⁸⁹ Mémoires pour servir à l'hist. de Port-Royal, 1742, Utrecht, I, 257. Michaut 63.

⁹⁰ Mauriac, 86–90.

⁹¹ Boutroux, 50. Girand, 65–66.

⁹² Brunsch., Lettre sur la mort de Pascal le père, 101, 104, 105, 106.

своих... Разве плакать о смерти любимых – значит восставать на Бога? Нет, плакал о ней и сам Христос». Это о смерти брата по плоти, а о смерти брата по духу – еще сильнее: «Лучше бы Ты сразу убил меня, Господи, чем так терзать!»⁹³

⁹³ G. Goyau, Saint-Bernard, 1927, 108, 166.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.